

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д45

Philip K. Dick
THE SIMULACRA

Copyright © 1964, Philip K. Dick
Copyright renewed © 1992, Laura Coelho,
Christopher Dick and Isa Hackett
All rights reserved

Фото на переплете © Leemage/EastNews

Дик, Филип К.
Д45 Симулякры / Филип К. Дик ; [перевод с
английского Н. Романецкого]. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-108219-2

В опустошенном мире XXI века судьба сводит разрозненную группу людей: фашиста, мечтающего о пугче, композитора, который играет на пианино с помощью силы мысли, Первую леди, стоящую в тени президента-симулякра, и последнего в мире практикующего психотерапевта. И все они должны успокоить граждан, которые начинают задавать слишком много вопросов.

Филип Дик в своем классическом стиле сочетает путешествия во времени, психотерапию, телекинез, нацистов, андроидов, неандертальцев, пришельцев и мутантов, чтобы создать волнующую, умопомрачительную историю, где есть заговоры внутри заговоров и ничто никогда не является тем, чем кажется.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Н. Романецкий, перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2020

ISBN 978-5-04-108219-2

1

Внутреннее мемо напугало Ната Флайджера, хотя тот и не понимал почему. Речь шла всего-навсего о том, что обнаружен Ричард Конгросян. Оказывается, знаменитый советский пианист, психокинетик, играющий Брамса и Шумана, не прикасаясь пальцами к клавишам инструмента, скрывается в летнем доме в Дженнере, штат Калифорния. И если повезет, «Электроник мьюзикал энтерпрайз» сможет наконец записать Конгросяна. Тем не менее жило в душе Флайджера странное беспокойство...

Возможно, причиной тому были сумрачные, влажные леса, заполонившие северную часть прибрежной Калифорнии, — Нат их терпеть не мог, ему больше нравились сухие земли в окрестностях Тихуаны, где размещался центральный офис ЭМЭ. Но Конгросян, увы, согласно мемо, за порог своего летнего дома носа не показывал. Похоже, он отошел от концертной деятельности в связи с какими-то семейными обстоятельствами. Во всяком случае, мемо намекало на то, что связана эта полуотставка с некой трагедией, ко-

торая произошла много лет назад не то с женой пианиста, не то с его ребенком...

Было девять утра. Нат Флайджер автоматически плеснул воды в чашку и стал «поить» живую протоплазму, входящую в состав звукозаписывающей системы «Амтек Ф-а2», которую хранил у себя в кабинете. Протоплазма была родом с Ганимеда, не испытывала боли и до сей поры не возражала против того, чтобы ее сделали одним из элементов сложной электронной аппаратуры. Нервная система протоплазмы была примитивной, но как акустическому рецептору ей просто не было цены.

Вода просачивалась через мембраны «Ампека» и с благодарностью поглощалась: трубопроводы системы жизнеобеспечения пульсировали.

«А почему бы не взять ее с собой?» — подумал Флайджер.

«Ф-а2» была портативной системой, да и по качественным параметрам Нат предпочитал ее более сложному оборудованию. И сейчас ее стоило побаловать. Нат подошел к окну, включил механизм, раздвигающий жалюзи, и в кабинет ворвалось горячее мексиканское солнце. «Ф-а2» тут же развила чрезвычайно высокую активность — солнечный свет и влага заметно стимулировали ее метаболизм. Флайджер по привычке наблюдал за работой системы, но мысли его были по-прежнему заняты полученной информацией.

Он снова взял мемо в руки, сжал его пальцами и услышал:

— Эта возможность ставит ЭМЭ перед выбором, Нат. Да, Конгросян отказывается от публичных выступлений, но ведь у нас есть контракт, заключенный при посредничестве нашего берлинского филиала «Арт-Кор», и юридически мы имеем право на запись. По крайней мере, если сможем заставить Конгросяна... Как, Нат?

— Да, — рассеянно кивнул Нат Флайджер в ответ на голос Лео Дондольдо.

С какой это стати знаменитый советский пианист приобрел летний дом в Северной Калифорнии? Такой поступок сам по себе был очень смелым и вызвал явное неодобрение центрального правительства в Варшаве. И если пианист пренебрегает указами высшей коммунистической власти, то едва ли он испугается откровенного обмена мнениями с ЭМЭ. Конгросян, которому пошел шестой десяток, всю жизнь умел безнаказанно игнорировать юридические нормы современной общественной жизни как в коммунистических странах, так и в США. Подобно многим творческим личностям, он шел своим путем, лавируя между двумя могущественными социальными системами.

Нажать на него можно только одним путем — если привнести в отношения меркантильный элемент. К примеру, в виде рекламы... У публики короткая память — это всем известно. И не помешает принудительно напомнить ей о Конгросяне и его феноменальных музыкальных пси-способностях. Отдел рекламы ЭМЭ с готовностью возьмет за реализацию этой задачи. В конце концов,

им нередко удавалось продавать даже «совершенно неизвестный материал», а записи Конгросяна вряд ли можно охарактеризовать этими словами. Вопрос только в том, насколько Конгросян хорош сегодня...

Мемо пыталось напомнить Нату Флайджеру о том же.

— Всем известно, что до самого последнего времени Конгросян выступал только на закрытых мероприятиях, — с жаром объявило оно. — Перед крупными шишками в Польше и на Кубе и перед пуэрто-риканской элитой в Нью-Йорке. Год назад, в Бирмингеме, он появился на благотворительном концерте для пятидесяти чернокожих миллионеров. Собранные средства пошли в фонд содействия афромусульманской колонизации Луны. Я разговаривал с парочкой современных композиторов, которые побывали на этом концерте. Они клянутся, что Конгросян не растерял ничего. Давай-ка глянем... Да, это было в две тысячи сороковом. Ему тогда было пятьдесят два. И конечно же, он всегда в Белом доме играет для Николь и этого ничтожества Дер Альте¹.

«Надо взять «Ф-а2» в Дженнер, — решил Нат Флайджер. — И использовать для записи именно эту систему. Поскольку других шансов может и не быть: артисты, обладающие такими пси-способностями, как у Конгросяна, имеют привычку рано умирать».

¹ От der Alte — старик (нем.). (Прим. перев.)

— Я займусь Конгрояном, мистер Дондольдо, — сказал он. — Полечу в Дженнер и попытаюсь переговорить с ним лично.

Это было его решение.

— Вот и ладушки, — возликовало мемо.

И Нат Флайджер почувствовал к нему симпатию.

Робот, как и все репортеры, был нахален и проворен.

— Правда ли, доктор Эгон Сьюеб, — проскрипел он, — что сегодня вы намерены побывать в своем кабинете?

«Должен же быть способ оградить от этих наглецов хотя бы собственный дом!» — подумал доктор Сьюеб. Однако тут же должен был согласиться с широко бытующим мнением, что таких способов не существует.

— Да, — сказал он. — Сейчас я закончу завтрак, сяду в свою тачку и отправлюсь в центр Сан-Франциско. Там я припаркуюсь и прогуляюсь до Почтовой улицы. А там, в своем кабинете, как и обычно, окажу психотерапевтическую помощь своему первому за сегодняшний день пациенту. Наплевав на закон, на этот так называемый акт Макферсона. — Доктор Сьюеб хлебнул кофе из чашки.

— Вы ощущаете поддержку со стороны...

— Да, ИАПП полностью одобряет мои действия. — Доктор Сьюеб всего лишь десять минут назад разговаривал с исполкомом Интернациональной ассоциации практикующих психоанали-

тиков. — Никак не могу понять, почему это решили взять интервью именно у меня. Сегодня утром в своих кабинетах окажутся все члены ИАПП.

«А таких членов, — добавил он мысленно, — на территории США более десяти тысяч. И в Северной Америке, и в Европе».

— Как вы считаете, — доверительно промурлыкал робот-репортер, — кто несет ответственность за принятие акта Макферсона и готовность Дер Альте подписать его, придав ему силу закона?

— Вам же это прекрасно известно, — сказал доктор Сьюпоб. — Не армия, не Николь и даже не НП. Ответственность несет могущественный фармацевтический картель «АГ Хеми» из Берлина.

Это было известно не только репортерам, но любому и каждому. Могущественный германский картель уже давно рекламировал терапию душевных заболеваний с помощью лекарственных препаратов. На этом можно было заработать совершенно сумасшедшие деньги. И естественно, все психоаналитики были тут же объявлены шарлатанами, такими же, как приверженцы здоровой пищи или глубокого дыхания. Старые добрые времена, прошлое столетие, когда общество ценило психоаналитиков, увы, миновали... Доктор Сьюпоб тяжело вздохнул.

— Принудительный отказ от своей профессиональной деятельности доставляет вам немалые душевные муки, — проникновенно продолжал робот-репортер. — Верно?

— Сообщите вашим слушателям, — медленно сказал доктор Сьюпоб, — что мы намерены

продолжать работу, не обращая внимания ни на какие законы. Мы способны помочь людям уж никак не меньше, чем химиотерапия. Особенно в случаях психических нарушений, связанных с предыдущей жизненной историей пациента.

И только тут он понял, что репортер представляет одну из самых влиятельных телекомпаний с аудиторией в пятьдесят миллионов, которые наблюдают сейчас за происходящим в доме Сьюпеба обменом любезностями. И от одной только мысли об этом язык доктора перестал ему повиноваться.

Позавтракав, он вышел на улицу и наткнулся на второго робота-репортера, который устроил засаду возле машины доктора.

— Леди и джентльмены, перед вами последний представитель венской школы психоанализа. Некогда, возможно, выдающийся психоаналитик доктор Сьюпеб скажет вам несколько слов. — Репортер подкатился к доктору, преградив ему дорогу. — Как вы себя чувствуете, сэр?

— Паршивее некуда! — ответил доктор Сьюпеб. — Пожалуйста, дайте мне пройти.

— В последний раз направляясь в свой кабинет, — сказал репортер, глядя ему вслед, — доктор Сьюпеб ощущает атмосферу всеобщего осуждения, однако, тем не менее, продолжает тайно гордиться уверенностью в собственной правоте. Только будущее рассудит, насколько он прав в своем упрямстве. Подобно практике кровопускания, психоанализ пережил периоды своего

расцвета и медленного увядания, а теперь его место заняла современная химиотерапия.

Сев в машину, доктор Сьюпек выехал на подъездную дорогу и вскоре уже катил по автобану в сторону Сан-Франциско. Он по-прежнему чувствовал себя паршиво и очень опасался предстоящей, как ему казалось, неизбежной схватки с представителями власти. Не меньше его беспокоили и перспективы собственного ближайшего будущего.

Он был уже не молод, чтобы участвовать в этих событиях. На талии его накопилось немало лишней плоти. Каждое утро приносило ему огорчение, поскольку лысина, которую он как-то обнаружил в зеркале ванной комнаты, явно увеличивалась. Пять лет назад он развелся со своей третьей женой, Ливией, и больше в брак вступать не собирался. Его семьей стала работа. И что же теперь? Бесспорным было одно: как сообщил робот-репортер, сегодня он направляется в свой кабинет в последний раз. И пятьдесят миллионов телезрителей Северной Америки и Европы, наблюдающих за ним, будут гадать: обретет ли он новое призвание, откроет ли для себя новую необыкновенную жизненную цель взамен старой? Увы, на это было слишком мало надежды.

Чтобы успокоиться, он поднял видеофонную трубку и набрал номер, по которому передавали молебен.

Припарковав машину, он прошел пешком до Почтовой улицы и обнаружил возле дома, где раз-

мещался его кабинет, небольшую толпу, состоящую из зевак, роботов-репортеров и нескольких полицейских в синих мундирах. Определенно, все дожидались его.

— Доброе утро! — неловко поздоровался он с полицейскими и, вытащив из кармана ключ, двинулся к дверям.

Толпа расступилась перед ним. Он поднялся по ступенькам, открыл дверь и распахнул ее настежь, впустив утреннее солнце в длинный коридор, стены которого были украшены эстампами Пауля Клее и Кандинского. Эти эстампы доктор Сьюпоб и доктор Баклман развесили семь лет назад, стремясь хоть чуть-чуть украсить это довольно старое здание.

— Наступает час испытания, дорогие телезрители, — объявил один из роботов-репортеров. — Вот-вот появится первый на сегодня пациент доктора Сьюпеба.

Полицейские с торжественным видом ждали развития событий. Будто готовились к параду...

Прежде чем войти внутрь, доктор Сьюпоб остановился в дверном проеме, повернулся к тем, кто последовал за ним, и сказал:

— Прекрасный денек! Для октября, во всяком случае.

Он хотел придумать какую-нибудь героическую фразу, полную патетики и пафоса, которая придаст благородство его нынешнему положению, но ничего такого в голову не приходило. Видимо, решил он, причина в том, что героизму

здесь нет места. Ведь он просто делает то, что делал пять раз в неделю в течение многих-многих лет, и не нужно быть особенным храбрецом, чтобы пройти давно заведенным рутинным путем еще один раз. Разумеется, платой за это ослиное упрямство станет арест — разумом своим он прекрасно понимал это, — однако телу и нервной системе не было до ареста никакого дела. И Сьюпеб автоматически переступил порог.

— Мы с вами, доктор! — выкрикнула из толпы незнакомая женщина. — Удачи вам!

Ее поддержали, на несколько мгновений возник одобрительный гул, тут же, впрочем, стихший. Полицейские в эти несколько секунд выглядели докучливыми надоедами. Доктор Сьюпеб прикрыл за собой дверь.

Едва он вошел в приемную, сидевшая за своим столом Аманда Коннерс подняла голову:

— Доброе утро, доктор!

Ярко-рыжие волосы секретарши, перетянутые ленточкой, просто пылали, а из декольте мохеровой кофточки стремилась выскочить божественная грудь.

— Доброе! — отозвался доктор Сьюпеб, радуясь ее присутствию здесь, да еще в столь великолепном виде.

Он вручил Аманде пальто, которое она повесила в стеной шкафу.

— Ну что ж... — Он закурил некрепкую флоридскую сигару. — Кто там у нас сегодня первый пациент?

Аманда заглянула в журнал регистрации:

— Мистеру Раги, доктор, назначено на девять часов. У вас еще есть время, чтобы выпить чашку кофе. Сейчас я сделаю. — Она шагнула к кофейному автомату в углу приемной.

— Вы ведь знаете о том, что должно произойти, — сказал Сьюпеб. — Не так ли?

— Разумеется... — Мэнди поднесла ему бумажный стаканчик с кофе, пальцы ее дрожали. — Но ведь ИАПП освободит вас под залог!

— Я боюсь, что это будет означать конец вашей работе здесь.

— Да, — кивнула секретарша. Она уже не улыбалась, ее большие глаза потемнели. — Никак не могу понять, почему Дер Альте не наложил вето на этот законопроект. Николь была против, и потому вплоть до самого последнего момента я была уверена, что и он против. Боже мой, ведь у правительства теперь есть оборудование для путешествий во времени. Почему бы им не отправиться в будущее и не убедиться, что этот законопроект принесет лишь обнищание нашему обществу.

— А может, оно так и поступило, — сказал Сьюпеб.

«И не обнаружило никакого обнищания», — добавил он про себя.

Дверь в приемную отворилась. На пороге стоял первый на сегодня пациент. Мистер Гордон Раги, бледный от нервного возбуждения.

— Вы все-таки пришли, — сказал доктор Сьюпеб.

Он глянул на часы: Раги появился раньше назначенного времени.